

Отзыв

Официального оппонента на диссертацию Васильева Дмитрия Валентиновича
на соискание ученой степени доктора исторических наук
«Организация административного управления в Казахской степи:
государственная политика и региональные практики
(XVIII – первая половина XIX в.)»
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Интерес к истории управления азиатскими окраинами Российской империи сегодня вполне закономерен и актуален по самым разным причинам. К последним можно, например, отнести и открытие множества новых источников, которые заставляют уточнять прежние представления, и более интенсивное международное сотрудничество в научном мире, которое активизирует концептуальные дискуссии и сравнительные исследования, и в какой-то мере также обострение политической ситуации в мире, что неизбежно вызывает борьбу, иногда подспудную, за то, каким образом интерпретировать прошлое. Кроме подобного рода общих причин существует ещё и такая причина, как явный дефицит обобщающих исследований по целому азиатских регионов Российской империи, в их числе и Казахской степи, которым долгое время уделялось второстепенное значение. Диссертация Д.В. Васильева в этом смысле находится, можно сказать, на острие современной мировой историографической тенденции, заполняет пустующую нишу в российской, и не только, академической традиции и является, безусловно, значительным шагом вперёд в осмыслении имперской азиатской политики.

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений. Во введении формулируются цели и задачи исследования, актуальность проблематики и даётся объяснение некоторым базовым понятиям, которые используются в тексте. К последним относится, в частности, удачное, на мой взгляд, выражение «Казахская степь», использование которого позволяет диссертанту уйти от привязки своего анализа к тем или иным (постоянно менявшимся) административным границам

и более гибко, исторически контекстуально выстраивать повествование. Правда, в ряде случаев можно встретить и термин «Казахстан» применительно к 18 и 19 векам (с. 40, 223, 360, 364, 387, 522), что выглядит несколько неловко (к слову, факультативный вопрос у меня вызывает, как диссертант обосновывает использование написания имён Уали вместо Вали, Абылай вместо Аблай, Бокей вместо Букей?). Я также приветствую тот факт, что Д.В. Васильев ставит вопрос об изучении имперской политики в отношении «кочевых и полукочевых народов» в целом, то есть не только казахов, но также башкир и калмыков. Диссертант справедливо говорит о том, что такое сравнительное исследование позволяет увидеть влияние одних моделей управления на другие.

Методологический, историографический и источниковедческий разделы работы вынесены в отдельную, первую, главу «Исследовательская программа и методы её осуществления». Д.В. Васильев перечисляет различные концепции, например теорию фронта, региональный подход, постколониальные исследования, концепцию «новой имперской истории» и другие, обсуждает их плюсы и минусы для возможного применения в анализе того, как развивались отношения империи и Казахской степи. Далее диссертант достаточно подробно характеризует отдельные работы других учёных и свою источниковую архивную базу, обращая внимание, в частности, на классификацию типов документов и особенности делопроизводства. Такое развёрнутое вводное разъяснение позиций и предпочтений диссертанта, его определения собственного места в существующих научных дискуссиях представляется мне весьма уместным и плодотворным. Из замечаний к этой главе я бы отметил, что из неё выпала вся историографическая часть, касающаяся башкир и калмыков, хотя история этих двух народов в составе Российской империи очень подробно представлено в дальнейших главах диссертации.

Основная часть диссертации построена как хронологический рассказ о трёх этапах во взаимоотношениях имперской власти с башкирами, калмыками и казаками в 18 – первой половине 19 вв. Каждому этапу соответствует своя глава.

Вторая глава «Административная политика России в Казахской степи в первой половине XVIII века: утверждение системы косвенного управления» содержит экскурс в историю отношений московских царей с Касимовским ханством, с казахскими и вообще центральноазиатскими правителями. Далее рассматриваются история формирования политики в отношении башкир и калмыков, которые раньше вступили в договорные отношения с Россией и попытки закрепить вассалитет над которыми (в случае калмыков) или даже начать интеграцию в имперское пространство (в случае башкир) происходили в первой половине 18 века уже вполне интенсивно. Затем описывается история вступления казахов Малой орды в российское подданство и поиска моделей взаимодействия, которое носило поначалу характер военного союза. Д.В. Васильев при этом дает прямые отсылки к примеру калмыков и башкир, на которые ориентировались обе стороны переговоров.

В третьей главе «Административная политика России в Казахской степи во второй половине XVIII – начале XIX века: кризис и деконструкция системы косвенного управления» Д.В. Васильев опять сначала описывает политику в отношении башкир и калмыков, которая, по его мнению, была часто «непродуманной» и «неоправданной», приводила к разным формам конфликтов и сопротивления, в частности привела к исходу большинства калмыков с территории Российской империи в 1771 году. Однако этот негативный опыт, по мнению диссертанта, учитывался в политике по отношению к казахам, которая была более «осторожной» и «последовательной». Д.В. Васильев исследует историю первых реформ, направленных на постепенную интеграцию казахов Малой орды в общеимперское пространство, а также процессы подчинения казахов Средней орды.

В заключительной четвёртой главе «Административная политика России в Казахской степи в первой половине XIX века: поиск новых моделей регионального управления» речь идёт в первой части опять же о моделях интеграции башкир и оставшихся на российской территории калмыков, во второй части – о реформах управления среди казахов Младшей и отдельно Средней орды, которые существовали в разных административных и правовых рамках, о начале

взаимодействия с казаками Большой орды и об особой, похожей на калмыцкую, модели управления Внутренней (Букеевской) орды, выделившейся из Младшей. В этой связи несомненной находкой является документ, датированный в архиве 1798 годом, который, видимо, вошёл затем в составленный М.М. Сперанским в 1822 г. Устав об управлении инородцев (с. 474). В этой главе Д.В. Васильев вполне убедительно показывает, что, несмотря на специфику всех этих случаев, общая тенденция трансформации заключалась в постепенном переходе от косвенного управления к прямому и далее к сближению административно-правового режима с унифицированным общеимперским порядком.

В своём отзыве я хочу отдельно прокомментировать два тезиса диссертации, которые, как я понимаю, являются наиболее важными в сделанных выводах. Первый тезис состоит в том, что, несмотря на существование разных моделей административного управления, разный период взаимодействия с подчинёнными народами и разные темпы реформ, «империя вела национальные окраины к одной главной цели – их органичному слиянию с остальной Россией» (с. 604). Д.В. Васильев, другими словами, видит в самом процессе поиска и смены моделей от союзнических отношений через вассалитет к подданству не просто закономерный характер, но и «осознанную деятельность правительства» (с. 613). Я всё-таки решусь поспорить с такой категоричностью и перечислю некоторые контраргументы. Во-первых, мы так и не видим полного слияния административно-правового статуса Казахской степи и «остальной России» (ещё возникает вопрос, что считать «остальной», какие регионы в неё включать?) не только к середине 19 века, т.е. к тому моменту, которым диссертант завершает своё исследование, но и к концу истории самой империи. Отличия в статусе инородцев (например, в выборных правах) и территорий, ими населённых, продолжали сохраняться. Во-вторых, в структурах имперской власти всегда существовали влиятельные силы и группы, и диссертант сам пишет о них в тексте, которые были против такого «полного слияния» и настаивали на сохранении специфики управления окраинами, ограничении прав местных жителей и использовании военных и карательных методов контроля за ситуацией. И эта дискуссия внутри власти опять же продолжалась до самого краха империи. Мне

думается, что тезис о сознательной деятельности имперского правительства во многом построен на нашей сегодняшней исследовательской перспективе, когда мы уже знаем, чем закончился процесс, но внутри каждой исторической ситуации было больше неопределённости, хаотичности и реактивной политики, чем стратегического плана.

Второй дискуссионный тезис вытекает из первого. Д.В. Васильев отвергает, как я понял, возможность применения, по его словам «негативного» и «политизированного», термина «колониализм» в отношении имперской политики в Казахской степи, считая, что цель полного слияния последней с остальной Россией противоречит, в конце концов, тезису о колониальности. Хотя сам диссертант пишет и о недобровольном «вхождении» степи в состав империи (с. 223, 246), и о многочисленных случаях восстаний и жестоких репрессий (с. 187, 285, 288 и пр.), даже пишет, что в какой-то момент «Казахская степь виделась местным чиновникам как колония» (с. 322-323), но все эти факты скорее рассматриваются как ошибки и отклонения от магистральной линии. Использование термина «колониализм», конечно, не свободно от политизированных предпочтений, но и критика этого термина тоже порой имеет политизированную подоплёку. Однако если мы признаём всё-таки, что неравный статус жителей разных регионов сохранялся на протяжении длительного времени и фактически до конца самой империи, то разве это не является системным признаком и каким тогда термином его обозначать? Это не означает, что нужно исследовать это взаимодействие исключительно как господство и подчинение, не замечая «сферы взаимного влияния центра и периферии, а также имперских периферий между собой», о чём справедливо пишет Д.В. Васильев. Но то же самое можно сказать и в обратную сторону: изучение взаимного влияния не должно игнорировать неравенство сторон. На мой взгляд, эта проблема остаётся открытой и сложившаяся в 20 веке академическая традиция описания имперской политики как колониальной имеет свои резоны, которые нужно учесть.

Наличие дискуссионных вопросов я считаю, тем не менее, положительной стороной диссертации. Хорошее исследование должно вызывать споры.

В целом сказанное позволяет мне сделать вывод, что диссертация и автореферат Д.В. Васильева соответствуют требованиям Положения о присуждении учёных степеней в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова от 27 октября 2016 г. Автореферат целиком соответствует структуре и содержанию диссертации. По теме диссертации издана 51 научная работа, в том числе 2 монографии и 21 статья в рецензируемых изданиях. Публикации в рецензируемых изданиях полностью отражают теоретические, методические и историко-культурные выводы диссертации. Научный вклад диссертанта соответствует требованиям, предъявляемым к соискателям ученой степени доктора исторических наук, а Д.В. Васильев заслуживает присвоения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Абашин Сергей Николаевич,

доктор исторических наук (07.00.07 – Этнография, этнология, антропология), профессор факультета антропологии АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге».

Место и адрес работы: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 191187, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А, тел. 8(812)386-76-15, e-mail: s-abashin@mail.ru.

11 мая 2017 г.

Подпись профессора факультета антропологии АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», д.и.н. С.Н.Абашина
удостоверяю:

Нач. отдела кадров АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»
А.Н. Васильева